

Глава 21

Завести роман с женщиной — сказать-то легко, а вот сделать...

Главная проблема заключалась в том, что у Ван Ина за всю прошлую жизнь не было никакого опыта в отношениях, не говоря уже о романе с женщиной. От одной только мысли об этом становилось не по себе.

Но ради вечного доступа к экспериментальному полю — хочешь не хочешь, а придётся!

На следующий день, после завтрака, Чэнь Цинъянь, как обычно, приступил к упражнениям. За последние дни, проведённые в постели, его ноги совсем ослабли. Раньше он мог обойти весь двор, а теперь с трудом одолевал и половину.

Увидев, что юноша сидит под деревом и перебирает семена, он, немного помедлив, достал из-за пазухи небольшую книжицу и бросил её супругу.

— Что это? — спросил Ван Ин, перевернув пару страниц.

Текста в книжице было мало, в основном схематичные рисунки, напоминающие атлас точек для акупунктуры, с отмеченными на них различными точками.

— Посмотришь — поймёшь, — с неестественным видом бросил Чэнь Цинъянь.

Ван Ин внимательно взгляделся в страницы. Оказалось, что красные точки на рисунках — это не акупунктурные точки, а отметки родимых пятен беременности у гэ'эров. Ярко-алый цвет считался лучшим, карминный — чуть похуже, а розовый — самым невзрачным.

Гэ'эров также называли «мужчинами-матками». В их теле, в отличие от обычного мужского, имелась матка, что давало им способность вынашивать и рожать детей, однако они не могли оплодотворить ни женщину, ни другого представителя своего пола.

Оттенок родимого пятна беременности указывал на плодовитость: чем темнее цвет, тем легче было зачать и родить, а чем светлее — тем труднее. Некоторые гэ'эры и вовсе не могли иметь детей всю жизнь.

Юноша, читая это, только цокал языком. Кажется, у него самого была родинка где-то на шее, прямо сбоку.

— Эй, Чэнь Цинъянь, иди-ка сюда.

— Что такое?

Ван Ин оттянул воротник.

— Посмотри, у меня родинка красная?

— Кхм-кхм-кхм! — его муж закашлялся от неожиданности и принялся бормотать: — Бесстыдство! Средь бела дня развратничать!

— Ладно, иди дальше, упражняйся.

Ван Ин продолжал листать книгу, и чем дальше, тем больше ему всё это не нравилось. В пособии были подробно изображены процессы зачатия и родов у мужчин, напоминавшие скорее какой-то жуткий комикс.

На последней странице оказалась иллюстрация соития. Было видно, что художник — настоящий мастер: фигуры получились невероятно живыми. Нижний гэ'эр был полубоубнажён, его взгляд затуманен, губы приоткрыты, а по уголку рта стекала слюна. У верхнего мужчины, изображённого со спины, были широкие плечи и узкая талия, а на руках вздулись вены, когда он крепко стиснул бёдра своего партнёра.

Художник не поскупился на детали и отчётливо прорисовал даже место их соития...

Ван Ина будто ударило током. Он резко захлопнул книгу, а по копчику пробежала незнакомая томная дрожь. В голове пронёсся целый табун диких лошадей.

Его взгляд упал на Чэнь Цинъяня, который, ковыляя, продолжал наматывать круги по двору.

«Постоянно твердит о приличиях и морали, а сам, оказывается, почитывает книжки с картинками. Вот уж воистину, в тихом омуте черти водятся»

— Цинъянь! — внезапно раздался у ворот голос Чэнь Цина.

Ван Ин вздрогнул и поспешно спрятал книгу в рукав.

— Четвёртый дядя пришёл.

Тот, заложив руки за спину, вошёл во двор.

— В прошлом году на праздник Дуанью ты писал, что провалил экзамены и подхватил тяжёлую хворь. Я тогда только-только получил назначение в Лайчжоу, дел было по горло, не смог

приехать проведать. Теперь же у меня появилась возможность. Хотел спросить, не желаешь ли отправиться со мной в Лайчжоу? Тамошняя академия славится учёными мужами. Я мог бы порекомендовать тебя, а когда закончишь обучение, вернёшься и снова сдашь уездные экзамены.

Чэнь Цинъянь, закусив губу, после долгого молчания покачал головой:

— Благодарю дядю за доброту, но племянник ваш глуп. Не буду доставлять вам лишних хлопот.

— У тебя есть какие-то трудности, о которых не хочешь говорить?

— Нет...

Чэнь Цзин разочарованно вздохнул:

— Я надеялся, что ты, как и я, пойдёшь по пути государственной службы. Но раз у тебя нет такого желания, что ж, пусть так.

Ван Ин с тревогой наступил мужу на ногу.

«Почему этот упрямец не расскажет правду? Его дядя — большой чиновник, может, и поможет!»

Чэнь Цинъянь сжал его руку и покачал головой. Когда гость ушёл, он безвольно опустился в кресло-каталку, утратив всякий запал.

— Почему ты не рассказал своему дяде?

— В династии У не было случая, чтобы отстранённый от экзаменов мог снова их сдавать. Даже если бы я рассказал, четвёртый дядя ничем не смог бы помочь. Так что лучше и не начинать.

— Гордость твоя тебе же во вред!

— Это тебя не касается.

— Да кто вообще лезет в твои дела? Не хочешь говорить — не надо!

Ван Ин вытащил из рукава книгу, швырнул её ему на колени и развернулся, чтобы уйти.

Чэнь Цинъянь, раздосадованный, ударил кулаком по подлокотнику кресла, но через мгновение

поднялся и, толкая каталку, продолжил свои упражнения.

Стоявший в углу двора дядя Чэнь тихо усмехнулся. С тех пор как в доме появился молодой господин Ван, его хозяин стал куда более живым.

Чэнь Цинъянь из-за своей гордости не хотел просить помощи у родственника, но у Ван Ина таких предрассудков не было. Он поспешил догнать уходящего чиновника.

— Четвёртый дядя, постойте, пожалуйста.

Тот остановился.

— Племянник-супруг, у тебя ко мне какое-то дело?

— Да. Я собираюсь открыть в городе овощную лавку и боюсь, что в будущем могут возникнуть проблемы. Могу ли я воспользоваться вашим именем?

— Конечно, если не будешь заниматься ничем противозаконным.

— Благодарю!

— Я приехал ненадолго и скоро должен возвращаться, — сказал Чэнь Цзин, продолжая идти. — Надеюсь, в будущем ты, племянник-супруг, присмотришь за этой семьёй.

— Дядя, вы шутите. Я всего лишь деревенский гэ'эр, откуда у меня такие способности?

— Устроить собственную инсценировку смерти... Такая смелость и хитрость — боюсь, даже я бы до такого не додумался.

У Ван Ина ёкнуло сердце. Четвёртый дядя, как и подобает большому чиновнику, обладал проницательным умом и сразу всё понял.

Собеседник махнул рукой, давая понять, что не стоит волноваться.

— Я наблюдал за Цинъянем с самого его детства. Ума ему не занимать, но он, как и его отец, упрям. Невестка же слишком мягкосердечна и нерешительна, она бы на такое не пошла. Кроме них, остаёшься только ты. Хитрость — не порок, если использовать её во благо. Это куда лучше, чем быть глупцом. Расскажи-ка мне, что на самом деле произошло с обманом на экзаменах.

— Вы знаете об этом?

«Ну конечно, — подумал Ван Ин. — В их семье всего несколько подающих надежды учеников, как он мог не знать о таком происшествии?»

Он подробно пересказал всю историю о том, как Чэнь Цинъяня подставили.

— Это всё недоразумение, Цинъянь не списывал. Есть ли способ восстановить его право на сдачу экзаменов?

Чэнь Цзин, поглаживая бороду, покачал головой.

— Путь к государственной службе через экзамены для него, боюсь, закрыт. Однако есть и другие способы. Если совершить для государства нечто выдающееся, можно получить рекомендацию на службу.

Услышав это, юноша оставил всякую надежду. Откуда у них, простых людей, возможность совершить нечто выдающееся? Похоже, мужу и впрямь придётся стать учителем.

Чэнь Цзин приехал в спешке, без семьи, лишь с несколькими слугами. Он занимал должность чжоуму шестого ранга, и его служба была полна забот. Долгое отсутствие могло навлечь на него гнев начальства, поэтому в родных краях он пробыл всего три дня.

Перед отъездом он вынес приговор Чэнь Бяо: восемьдесят ударов палками по ягодицам и ссылка всей семьи в Цанчжоу. Это означало, что они, скорее всего, никогда не вернутся.

Учитывая преклонный возраст второго дяди, после такого наказания он бы вряд ли выжил. В итоге вместо него наказали сыновей: каждый получил по сорок ударов.

Такой исход был для Ван Ина ожидаем. Как-никак, это родной брат чиновника, и если бы тот забил его до смерти, то сам бы потом не смог с этим жить.

Помимо семьи Чэнь Бяо, наказание понесла и семья матушки Тянь.

Хотя они и не были главными заговорщиками, но за пособничество им присудили шестьдесят ударов. Матушка Тянь в её-то годы не выдержала и десяти ударов, а после шестидесяти и вовсе испустила дух.

Тянь Сяолю и старик Тянь хоть и остались живы, но едва дышали. Лишившись покровительства

семьи Чэнь и не имея средств к существованию, их смерть была лишь вопросом времени.

Ван Ин впервые ощутил весь ужас феодального общества. По сравнению с современными законами, здешние наказания были настолько суровы, что кровь стыла в жилах.

Но, по крайней мере, в этом деле была поставлена точка.

Узнав о смерти матушки Тянь, госпожа Ли несколько дней не могла есть и заметно похудела.

Ван Ин понимал, что это душевная боль. Свекровь была доброй и мягкосердечной женщиной, она славилась хорошим отношением к слугам, а с матушкой Тянь её связывали долгие годы.

К счастью, рядом оказалась третья тётушка, которая утешала её.

— Невестка, не стоит так убиваться из-за такого человека. Подумай о детях. Если ты сляжешь, что с ними будет?

— Я знаю, но на душе так тяжело... Иногда я думаю, может, это я была недостаточно хороша, раз она предала нас.

— Дело не в тебе, а в том, что ты была слишком добра к ним. Люди ненасытны: получив золотую шпильку, хотят нефритовую; получив тысячу монет, грезят о десяти тысячах. Такой конец они заслужили сами. Не терзай себя из-за чужих ошибок.

Госпожа Ли вытерла слёзы.

— Когда человек умирает, вспоминаешь только хорошее. Не будем больше об этом.

— Ты просто слишком много сидишь без дела. Вот появятся внуки, забот прибавится — и на глупые мысли времени не останется.

При упоминании внуков госпожа Ли оживилась.

— К слову, Янь'эр женат уже больше двух месяцев, а новостей всё нет. Раньше он был слаб, но теперь, когда здоровье пошло на поправку, может, и я скоро стану бабушкой.

Третья тётушка хлопала её по руке.

— Вот именно! Мне так нравится этот мальчик, Ван Ин. Красивый, толковый, и говорит, и делает всё как надо. Даже лучше, чем некоторые гэ'эры из знатных семей уезда. Где ты только нашла такого замечательного зятя?

Госпожа Ли улыбнулась.

— Я и сама не ожидала, что он окажется таким способным. Когда я просила найти ему пару, то сказала лишь, чтобы это была девушка или гэ'эр с «водной» судьбой, да и внешность чтобы была приличная. Сама знаешь, Цинъянь тогда был так болен, что с кровати не вставал. Я уже отчаялась, думала, чем чёрт не шутит, не до выбора было. Жена третьего двоюродного дяди, Чэнь Шипина, помогла найти. Сказала, что есть один несчастный гэ'эр, очень красивый, но из бедной семьи. Я заплатила десять гуаней, полукупив-получив в мужья, и привезла его домой. Кто бы мог подумать, что он окажется таким умным и проворным ребёнком.

— Воистину счастливый брак! — хлопнула себя по колену Чэнь Жун.

Тем временем те, о ком шла речь, неловко сидели на кровати.

С тех пор как Ван Ин прочёл ту книгу, злополучный рисунок словно отпечатался у него в мозгу и не выходил из головы. Теперь ему было неловко даже находиться наедине с Чэнь Цинъянем.

Когда муж начал раздеваться ко сну, юноша вскочил.

— Не будешь спать?

— Н-нет, не хочется. Я пока пойду на экспериментальное поле!

Чэнь Цинъянь подумал, что тот всё ещё злится из-за разговора с дядей.

— Иди. Когда вернёшься, поговорим.

Ван Ин сидел на краю поля, сжимая в зубах травинку. Лицо его пылало, как задница у макаки. Да уж, для любовных утех с женщиной, определённо, нужен врождённый талант!

«Раньше дедушка с бабушкой всегда переживали, что он остался сиротой и не сможет найти себе жену. Теперь об этом можно было не беспокоиться — он сам стал кому-то женой»

<http://bllate.org/book/15812/1428425>